

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 986-993
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.986

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Moscow Security Department on Guard of the Security of the Russian Empire in 1905

Sergey V. Medvedev ^{a,*}, Egor E. Kochetkov ^a, Elena V. Bestaeva ^b, Olga V. Panina ^b

^a Russian University of transport (MIIT), Moscow, Russian Federation

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

Based on archival materials from the State Archives of the Russian Federation, the article examines the activities of the Moscow Security Department aimed at preventing anti-government protests. Attention is paid to the reaction of Muscovites to the murder of Grand Duke Sergei Alexandrovich, swearing against Emperor Nicholas II. The formation of the trade union movement can be traced on the example of anti-government associations of bakers and printers. The authors of the article come to the conclusion about the insufficient resource base of the Moscow Security Department, which prevents the rapid suppression of revolutionary riots. Insufficient funding and, as a result, the lack of proper material supply and low wages demotivated employees and objectively deprived them of the opportunity to quickly respond to serious threats. At the same time, the Moscow security department did not have an effective system of communication and coordination of actions with similar territorial divisions of the Police Department in other provinces. The situation was aggravated both by the frequent change of leadership, which contributed to the disorganization of the work of the security department, and by the fact that it had clearly redundant functions. In the context of the growing revolutionary danger, the resources of the security department were diverted from the search for persons engaged in real extremist activities in order to bring to justice the inhabitants who publicly expressed disrespect or hostility to the authorities. At the same time, arrests for such statements only irritated the opposition-minded public even more, contributing to the growth of sympathy for the revolutionaries in the general population. The fact that criticism of the authorities in the conditions of everyday communication played the role of a resource for a relatively safe canalization of social discontent was ignored. It performed the function of ejecting negative emotions and getting rid of affective states. Which, it must be emphasized, facilitated the manipulation of human behavior by revolutionary activists.

Keywords: Moscow security department, police, revolution of 1905-1907, trade union movement, bailiffs.

1. Введение

Борьба властей с революционным движением в период 1905–1907 гг. получила широкое освещение в научной литературе. Однако степень научной разработанности данной темы по-прежнему характеризуют серьезные недостатки. С одной стороны, как в прошлом, так и настоящем на соответствующие исследования продолжает оказывать ощутимое влияние социально-политическая конъюнктура, с другой – наблюдается явная структурная диспропорция в освещении конкретных аспектов темы. Негативную роль играют и некоторые издержки антропологического поворота в гуманитарных науках. В частности, многие исследователи начинают абсолютизировать роль конкретной личности, игнорируя тот факт, что тот или иной исторический деятель входил в состав определенной группы интересов либо опирался в своих действиях на определенные государственные

* Corresponding author

E-mail addresses: speransky1809@yandex.ru (S.V. Medvedev),
kochetkov.work@gmail.com (E.E. Kochetkov), elvbستاeva@fa.ru (E.V. Bestaeva),
opanina@fa.ru (O.V. Panina)

или общественно-политические институты. Помимо того, деструктивную роль играет и распространение исторических мифов. Под этим термином подразумевается не просто недостоверная информация о событиях прошлого, но заведомо упрощенная и потому непротиворечивая модель истории, построенная на эмоционально насыщенных символах и призванная популяризировать внутри широких слоев населения некую систему политических и социальных ценностей.

Описанные выше проблемы ярче всего проявляются именно в рамках изучения истории противодействия правоохранительных органов Российской империи революционному движению. И в значительной степени они проявляются именно при реконструкции событий в Москве в 1905 г. Старая столица в начале первой русской революции превратилась в наиболее значимый центр революционного движения, что и сделало в итоге возможным переход местных политических радикалов к наиболее масштабной и сложной с точки зрения организации форме борьбы с действующей властью – вооруженному восстанию. Уникальность ситуации в Москве сформировала условия, в которых город превратился и для власти, и для ее противников в своеобразный «испытательный полигон» перед грядущим кризисом 1917 г. Опыт московских событий во многом стал основой для будущих успехов революционеров. И в то же время отказ от его полноценного использования для обеспечения внутривластной стабильности во многом обусловил падение монархии. За счет этого объективная и всесторонняя оценка работы московских правоохранителей превращается в важную предпосылку адекватной интерпретации не только событий 1905–1907 гг., но и революций 1917 г. Однако ее осуществление затрудняет множество факторов, в том числе лакуарность и фрагментарность введенных в научный оборот делопроизводственных источников, а также противоречия в изложении и истолковании событий в рамках мемуарного корпуса. В особенности это справедливо в отношении истории московского охранного отделения. В свет вышло немало работ, посвященных работе в старой столице структур корпуса жандармов и полиции в целом. Однако функционирование охранного отделения по большей части описывается в научной литературе отрывочным образом и преимущественно с позиций конкурирующих силовых структур, что лишает исследователей возможности полноценно реконструировать и достоверно оценить соответствующие события.

Цель данной работы – оценить готовность московского охранного отделения к борьбе с революционным движением в 1905 г.

2. Материалы и методы

Источниковая база этой статьи была сформирована за счет привлечения ранее не введенных в научный оборот материалов Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ). Были задействованы документы, отложившиеся в фондах Отделения по обеспечению общественной безопасности и порядка в Москве, Департамента полиции Министерства внутренних дел, а также агитационно-пропагандистские материалы из коллекции нелегальных изданий (листовок и брошюр), отложившихся в полицейских и судебных органах дореволюционной России.

При подготовке исследования нами использовался сравнительный анализ (с целью сопоставления ресурсов охранного отделения и его задач), структурный анализ (с целью концептуализации работы охранных структур, выявления ее основных элементов и связей между ними) и системный анализ (в рамках обобщения и упорядочивания данных о практиках борьбы с революционным движением).

3. Обсуждение

Данную работу подготовил коллектив авторов из Российского университета транспорта и Финансового университета при Правительстве РФ.

В дореволюционной историографии поднятая нами тема исследовалась отрывочно, преимущественно в контексте вопроса о борьбе охранного отделения с террористами (Берман, 1913; Гредескул, 1912).

В советской историографии имела место тенденция как к демонизации охранного отделения Москвы, так и ретушированию минусов в организации его работы в целях большей героизации революционеров (Ерошкин, 1952; Мицкевич, 1940; Панкратов, Поляков, 1965; Панкратова, 1951; Таратута, 1925; Чебарин, 1953; Черномордик, 1926).

Современную историографию темы отличает акцент на роли межличностных отношений между руководством силовых ведомств и в целом роли личности отдельных организаторов борьбы с революционным движением, по причине чего многие аспекты общего состояния охранного отделения остаются раскрытыми лишь частично (Брачев, 2002; Галкин, 1996; Гурьев, 2014).

Все это напрямую свидетельствует в пользу необходимости проведения дополнительных изысканий по заявленной теме.

4. Результаты

Период Первой революции в России – время особой работы охранных структур страны, что объяснялось безудержным количественным ростом участников противоправительственных партий и организаций. К примеру, «в период с 1905 по 1907 г. партия эсеров стала одним из самых

многочисленных политических объединений, насчитывавшим около 65 тысяч членов» (Прохорова, 2013: 26). Значительно увеличилось число крестьянских бунтов: «25 823 выступления, что в 22,6 раза больше, чем общее число крестьянских выступлений за период с 1890 по 1904 гг. (1 139), и в 228 раз больше, чем в 1904 году (113)» (Кондрашин, 2020: 198). Некоторые из революционно настроенных крестьян приезжали в Москву и попадали под надзор охранного отделения. Так, еще в октябре 1904 года командир 12-го Гренадерского Астраханского имени Александра III полка Г.А. Мин писал московскому обер-полицмейстеру Д.Ф. Трепову: «5-й роты Тихон Резкин и 12-й роты Каленик Романийко – фельдфебеля вверенного мне полка 13 октября с.г. проезжали на империале вагона по Сретенке. Когда один из пассажиров, прочитав вечернюю телеграмму, предложил ее Резкину, другой пассажир без всякого повода произнес: «все воры, от самого большого начальства до самого малого». На замечание Резкина, почему он позволяет себе так выражаться, неизвестный ответил: «Я не вас ругаю, а всех, так как в России беспорядок, – на Дальний Восток отправляют запасных умирать, а здесь остаются воровать те, кому бы следовало идти туда». По остановке вагона, Романийко попросил городского, чтобы неизвестный пассажир был отправлен в участок. В участке, по предъявлении паспорта околоточному надзирателю, неизвестный пассажир оказался крестьянином Владимирской губернии и уезда, Ставрожской волости, Василием Васильевым Николаевым 41 года» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 236. Л. 2-3). В дальнейшем Г.А. Мин отличился в подавлении восстания революционеров в московском районе Пресня, удостоится похвалы Николая II, а в 1906 году будет убит эсеркой З.В. Коноплянниковой (Панченко, 2007: 99-117).

Инцидент с крестьянином Николаевым был достаточно типичным для московской повседневности 1904–1906 гг. После того как 4 февраля 1905 года великий князь Сергей Александрович был убит эсером И.П. Каляевым, приставы направили в Московское охранное отделение большое количество секретных донесений о радующихся этому факту крестьянах, рабочих и студентах. Уже 6 февраля 1905 года один из приставов писал в Московское охранное отделение: «При сем представляю копию протокола на задержанного по требованию публики неизвестного мужчину, назвавшегося крестьянином Владимирской губернии Покровского уезда Щербаковым, по обвинению в произнесении слов по адресу Государя Императора: «Не миновать Им такой дороги, какую получил Великий Князь Сергей Александрович» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 236. Л. 18). Невероятные по своей жестокости слова были сказаны одним из студентов Межевого института: «1905 года февраля 5 дня в 10 вечера пристав 1 участка Басманной капитан Львович составил протокол о нижеследующем: сего числа в Управление участка явился ночной сторож сего участка Григорий Максимов Шабанов, который доставил с собой неизвестного молодого человека в форме студента Межевого института и заявил, что он шел по Гороховскому переулку и навстречу ему шел доставленный им студент с какими-то дамами и когда он поравнялся с ним, то услышал, как этот студент разговаривал с дамами по поводу убийства Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича словами: «Жаль, что собрали его останки, а надо было бы разбросать их грязной лопатой по мостовой» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 236. Л. 71). Непосредственно в день теракта был задержан студент Московского университета Д.А. Казаков, который сразу после взрыва кареты великого князя бросился бежать и был схвачен в Александровском саду. Несмотря на то, что при обыске у Казакова обнаружили только два закладных листа Московского земельного банка на сумму 1 500 рублей, а в его квартире в Сергиеве Посаде ничего подозрительного не было, его поместили под арест. 14 февраля 1905 года помощник начальника Московского охранного отделения писал судебному следователю Московского окружного суда по особо важным делам: «Охранное отделение просит Ваше Высочество уведомить, встречается ли надобность в дальнейшем содержании под стражей студента Московского Университета Дмитрия Андреева Казакова, арестованного 4 февраля по подозрению в прикосновенности к делу о совершении убийства Великого Князя Сергея Александровича» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 236. Л. 20). 23 февраля 1905 года студент Казаков был отчислен из университета на основании Особых правил, утвержденных министром народного просвещения 14 мая 1882 года. В архиве хранится ходатайство ректора университета Л.К. Лахтина об «обратном приеме» Казакова «в вверенный ему университет» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 236. Л. 30). Дальнейшее развитие этой истории неизвестно.

Убийство великого князя Сергея Александровича было настолько резонансным событием, что некоторые предприимчивые граждане пытались на этом зарабатывать. Начальник Иркутского губернского жандармского управления сообщал московскому генерал-губернатору А.А. Козлову 15 июля 1905 года: «Препровождая при сем на основании 157 статьи Устава о цензуре и печати переписку об отобрании Приставом 3 части г. Иркутска у Мариинского мещанина Константина Пузырева картины «Убийство Великого князя Сергея Александровича», имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что публичное демонстрирование указанной картины, по моему мнению, не может быть допускаемо» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 62. Д. 65 (2 д-во). Л. 3). Не менее интересен ответ Константина Пузырева, который он направил на имя иркутского полицмейстера: «За картиной я имел честь обратиться к Вашему Высочеству о выдаче ее обратно, но Вы отказали мне в выдаче на том основании, что у меня нет цензурного разрешения. Такого ни у кого из демонстрантов; мы приобретаем в Москве от заграничных фирм через агентов Кеммлер, Грече, Якоб-Рихард и др.

Что же касается меня, то мною картины были приобретены лично в Париже и осмотрены 24 февраля 1905 года Варшавской таможенной по грузовой расписке... со взысканием пошлины 50 рублей 58 копеек» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 62. Д. 65. Л. 4). Годом позже астраханский полицмейстер направил в Московское охранное отделение сообщение о негативных пересудах местных жителей, касающихся покойного великого князя: «12 сего марта на бывшем в городском ночлежном доме предвыборном собрании внепартийных рабочих, один из ораторов, звание которого, по собранным сведениям, оказалось астраханский мещанин Василий Ефимов Иванов, проживающий во 2 участке по Католической улице, в речи своей, критикуя все русское правительство и обвиняя высших административных лиц в ограблении казенных денег, добытых трудом рабочих, между прочим, выразился, что Великий Князь Сергей Александрович украл несколько тысяч пожертвованных московскими рабочими одеял для Красного Креста» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 62. Д. 52. Л. 266).

Упоминания императора Николая II довольно часто встречались в отчетах приставов о неподобающем поведении москвичей. Так, 9 декабря 1905 года помощник пристава 3 участка Рогожской общины в Московское охранное отделение: «...В вагоне конки находился молодой человек, который позволил себе слишком резко выражаться по поводу Государя Императора, сказав так: «Нам Царя не надо, таких Николок сколько хочешь, меня помажь и я буду таким же Николкой» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 236. Л. 352). 16 ноября 1905 года мещанин Семеновской слободы Иван Иванов, 55 лет, проживающий в 1 участке Мещанской части на 4 Мещанской улице, находясь в трактире, заявил: «Нам Государя не надо, долой Его с престола, Государь незаконорожденный, Великий Князь Сергей Александрович обироча, грабитель и вообще Царский Дом не дом Романовых, а дом Хамовых» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 236. Л. 342). Интересно, что сюжеты о хитросплетениях родственных отношений внутри императорской фамилии – довольно распространенная тема разговоров обывателей в революционный и межреволюционный период. К примеру, ротмистр Сибирского районного охранного отделения сообщал в 1908 году: «Между станциями Бордзя и Оловянная идет пропаганда о том, что Наследник Цесаревич есть сын Вдовствующей Императрицы» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 238. Д. 3. ч. 8. Л. 15).

В октябре 1905 года Московское охранное отделение сообщало московскому градоначальнику Г.П. фон Медему: «...Среди рабочих одного из отделений булочной Филиппова возникло недовольство, что им, булочникам, приходится носить тяжелые мешки с мукой в мастерскую для изготовления хлебов. В обеденный перерыв 8 человек обратились с просьбой к управляющему фирмой Филиппова, не признает ли он возможным избавить их от обязанностей носить муку в мастерскую. Желание их было немедленно удовлетворено и обязанности эти возложены на крючников и рабочие успокоились, но вечером рабочие того же отделения вновь просили управляющего о прибавке им жалования, что было также немедленно удовлетворено» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 24. Д. 355. Л. 293). Как вспоминал ученик Первой Тифлисской гимназии Н. Шаубатов, побывавший в булочной Филиппова в 1902 году, «длина магазина измеряется 18 окнами, едва ли не составляющими $\frac{3}{4}$ нашей Дворцовой улицы (в Тифлисе). Отделений магазин имеет в одной Москве более 70. Здесь и булочная, и кондитерская, и игрушки, и безделушки, и кофейная. Одних приказчиков и приказчиц до 50 человек» (Захарова, 2017: 18). Волнения на предприятии Филиппова обеспокоили московские власти. Московское охранное отделение начало сбор информации у околоточных надзирателей о причинах волнений булочников и повышения цен на хлеб. Первым прислал отчет надзиратель Евгеньев, написавший о том, что «по заявлениям булочников хлеб вздорожал не от забастовок и не от дороговизны топлива, а от вздорожания муки» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 24. Д. 355. Л. 315). Ему вторил полицейский надзиратель 1 участка Лефортовской части Вознин 10 октября 1905 года: «По собранным сведениям от содержателей булочных заведений, которые продают: кислый хлеб за 1 фунт – 2 $\frac{3}{4}$ коп., сладкий за 1 фунт – 3 коп. ввиду дороговизны покупки муки. Покупка муки: куль – от 9 р. 50 коп. В одном кулье муки 9 пудов. Продавцы мук ссылаются на задержанный подвоз муки» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 24. Д. 355. Л. 316). Причинами повышения цен на муку называлось также подорожание дров и ржаной муки на 50 копеек, нефти с 20 копеек до 70–80 копеек за пуд из-за пожаров нефтяных источников на Кавказе (Степанов, 2020: 92–107). Положение осложнялось тем, что с 1904 года Московское охранное отделение осуществляло негласное наблюдение за членами Московского союза булочников, которые выпускали антиправительственные воззвания (ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 180. Л. 84). Союз требовал увеличения заработной платы: подручным – 15 рублей, мальчикам – 6–7 рублей, пекарям – 30 рублей; сокращения рабочего дня до 10–12 часов; двойной оплаты за работу в праздники; уничтожения подвальных квартир; вместо нар – койки с хорошим тюфяком и одеялом; на нанимать неопытных чернорабочих. Г.П. фон Медем в период волнений 1905 года вполне логично предполагал, что повышение цен на муку лишь повод для политических выступлений булочников. Одновременно с Союзом булочников действовал «Союз московских типографских рабочих для борьбы за улучшение труда». Печатники выпускали журнал «Вестник Союза типографских работников», в котором описывали состоявшиеся забастовки, печатали воззвания и публиковали карикатуры (в одной из них в виде охранника типографии, избивающего рабочего, изображен Николай II) (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 24. Д. 328. Л. 24). Интересно, что, несмотря на то, что в 1904 году Особый отдел Департамента полиции обращался в Московское охранное отделение с требованием ликвидировать Союз как имеющий революционный характер и

разделяющий программу Российской социал-демократической партии (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 24. Д. 328. Л. 48), в 1905 году типографские работники продолжили свою деятельность (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 411. Л. 55). В первый год революции в разных городах создавались профсоюзы, которые «были по большей части узкопрофессиональными, цеховыми организациями. Так, в металлообрабатывающей промышленности вначале создавались самостоятельные объединения водопроводчиков, слесарей, кузнецов и т.д.». 24 сентября – 7 октября 1905 года в Москве состоялась I Всероссийская конференция профессиональных союзов, образовавшая межсоюзную организацию профессиональных союзов – Московское центральное бюро профсоюзов – и по существу положившая начало организационному становлению и развитию профсоюзного движения в России (Скворцов, 2009: С. 64–65).

Студенческие волнения продолжались на протяжении всего 1905 года. Одним из антиправительственных мероприятий московского студенчества стали похороны ректора Московского университета князя С.Н. Трубецкого. Как сообщал пристав 1 участка Серпуховской части 3 октября, «сего числа, около 6 часов вечера, к Донскому монастырю прибыла процессия с телом покойного ректора Московского университета князя С.Н. Трубецкого, в сопровождении толпы учащейся молодежи и посторонней публики, в количестве приблизительно до 12–14 тысяч человек, с пением Марсельезы, «со святыми упокой» и «вечной памяти». Внутрь ограды монастыря публика пускалась по билетам» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 775. Л. 11). Во время революции публичные похороны нередко приобретали политический подтекст (Соколова, 2022: 84–96).

17 октября 1905 года был опубликован Высочайший манифест императора Николая II «Об усовершенствовании государственного порядка». Через три дня, 20 октября 1905 года, Департамент полиции обратился с секретным отношением к губернаторам, обер-полицеймейстерам, градоначальникам, начальникам губернских жандармских управлений и жандармских полицейских управлений железных дорог. В нем подчеркивалось, что населению были дарованы основы гражданской свободы – свободы совести, слова, собраний и союзов. На практике это означало, что «лишение свободы по расследованиям в порядке Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия применялось исключительно к тем лицам, которые своей ясно проявленной деятельностью внушают основательное подозрение в совершении государственных преступлений или в прикосновенности к ним и при том преступная деятельность которых в течение указанного в Положении об охране срока может быть доказана с положительностью и дело может быть направлена без продления срока ареста в формальном порядке, указанного ст. 1035 Уст. Угол. Судопр.» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 9. Л. 27–28). В течение октября 1905 года Московское охранное отделение прекратило розыск по целому ряду дел: «за нижепоименованными лицами розыск надлежит прекратить и красные розыскные листки по выставленным секретным прибавлениям уничтожить» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 9. Л. 47–52).

В 1905 году в московской полиции катастрофически не хватало сотрудников. Генерал А.А. Рейнбот, назначенный в 1906 году московским градоначальником, писал в декабре 1905 года: «Штат московской полиции был увеличен на 210 околоточных и 1560 городских; на это число потребовалось вооружение, а между тем даже и прежние городские не имели еще пригодного и необходимого оружия... Полиция, которая только что пережила борьбу с мятежниками, вооруженными револьверами самых последних образцов – маузерами, браунингами и т.п. на весь штат 4000 с лишним человек имела лишь 1332 старых револьверов системы Смит и Вессон, к тому же наполовину неисправных, и железные пашки» (Жукова, 2015: 342). В столичных охранных отделениях не хватало и агентов службы наружного наблюдения – филёров (ГАРФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 100. Д. 7. Л. 6). Между филёрами Петербургского и Московского охранных отделений наблюдались нездоровая конкуренция и нежелание сотрудничать. В Белостоке, Гродно и Ярославле филёры жаловались на «недостаток зимнего и летнего статского платья, которого в Управлении совсем нет» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 229. Д. 560. Л. 30). Уволенные по состоянию здоровья сотрудники охранных отделений получали пенсии, на которые они не могли содержать свои семьи (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 461. Л. 170).

Очевидно, Московское и Петербургское охранные отделения не справлялись с противодействием революционному движению в 1905 году. За первый революционный год сменилось два начальника отделения в Москве (В.В. Ратко, В.В. Тржецяк), один в Петербурге (Л.Н. Кременецкий), три директора Департамента полиции (А.А. Лопухин, С.Г. Коваленский, Н.П. Гарин). Важнейшие события революции, «Кровавое воскресенье» в Санкт-Петербурге и Декабрьское восстание в Москве (Декабрьское вооруженное восстание 1905 г.; Алмазов, 2019а; Алмазов, 2019б), продемонстрировали неготовность столичных «охранок» предотвращать и не допускать в дальнейшем массовые антиправительственные беспорядки. Александр Васильевич Герасимов, возглавивший Петербургское охранное отделение в 1905 году, писал в своих воспоминаниях: «Эти дефекты организации, эта перепутаница была карикатурой на политическую тайную полицию. Говорят: властители империи находятся под угрозой террористов, превосходно организованных, точно работающих, после тщательной подготовки молниеносно осуществляющих свои планы. Но аппарат, который должен их задержать, пересечь путь, выпытать планы и свести на нет, этот аппарат ведет призрачное существование, противоречащее всем требованиям момента и

лишенное всякой цели и смысла» (Герасимов, 2004: 145). Сказанное в той же мере можно отнести и к работе Московского охранного отделения.

5. Заключение

Таким образом, на период начала революционных событий ресурсная база Московского охранного отделения не была релевантна стоящим перед этой организацией задачам. Недостаточный уровень финансирования и, как следствие, отсутствие должного материального снабжения и низкий размер оплаты труда демотивировали сотрудников и объективно лишали их возможности оперативно реагировать на серьезные угрозы. Одновременно Московское охранное отделение не имело эффективной системы коммуникации и согласования действий с аналогичными территориальными подразделениями Департамента полиции в других губерниях. Ситуацию усугубляла как частая смена руководства, способствовавшая дезорганизации работы охранного отделения, так и наличие у него явно избыточных функций. В условиях роста революционной опасности ресурсы охранного отделения отвлекались от поиска лиц, занятых реальной экстремистской деятельностью, ради привлечения к ответственности обывателей, публично выражавших неуважение или враждебность к власти. При этом аресты за подобные высказывания лишь еще больше раздражали оппозиционно настроенную общественность, способствуя росту симпатии к революционерам в широких слоях населения. Игнорировалось то обстоятельство, что критика власти в условиях повседневного общения играла роль ресурса относительно безопасной канализации социального недовольства. Она выполняла функцию выброса негативных эмоций и избавления от аффективных состояний, которые, необходимо подчеркнуть, облегчали манипуляцию поведением человека со стороны революционных активистов.

Литература

- Алмазов, 2019а – Алмазов М.Г. Судьба воззваний генерал-губернатора Ф.В. Дубасова к московскому населению в период Декабрьского восстания 1905 г. // *Вестник Брянского государственного университета*. 2019. № 4. С. 9-17.
- Алмазов, 2019б – Алмазов М.Г. «С сегодняшнего дня ежедневные советы у меня»: к вопросу о роли военно-полицейских совещаний в период Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. // *Вестник Московского университета. Серия 8 «История»*. 2019. № 1. С. 75-84.
- Берман, 1913 – Берман Я. Влияние социально-правового и экономического фактора на государственную преступность // *Право*. 1913. № 33. С. 1912-1914.
- Брачев, 2002 – Брачев В.С. Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб., 2002.
- Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. – Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. глазами сотрудников московской полиции. Публикация И.В. Говорова // *Новейшая история России*. 2012. № 2. С. 182-190.
- Галкин, 1996 – Галкин В.В. Царская тайная полиция в борьбе с революционным движением в России (1880–1910 гг.). М., 1996.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Герасимов, 2004 – Герасимов А.В. На лезвии с террористами / «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М., 2004. С. 141-345.
- Гредескул, 1912 – Гредескул Н.А. Террор и охранка. СПб., 1912.
- Гурьев, 2014 – Гурьев В.И. Московская полиция 1881–1917 гг. СПб., 2014.
- Ерошкин, 1952 – Ерошкин Н.П. Административно-полицейский аппарат / История Москвы. Т. 5. Период империализма и буржуазно-демократических революций. М., 1952. С. 663-675.
- Жукова, 2015 – Жукова Л.А. Общественно-политическая и повседневная жизнь москвичей в 1905 году (к 110-летию Первой российской революции) // *Вестник университета*. 2015. № 6. С. 339-344.
- Захарова, 2017 – Захарова Е.А. Повседневные практики провинциальных туристов в Санкт-Петербурге и Москве на рубеже XIX–XX веков // *Исторический журнал: научные исследования*. 2017. № 3. С. 14-23.
- Кан, 2015 – Кан Г.С. Зинаида Конопляникова и убийство генерала Г.А. Мина // *Российская история*. 2015. № 5. С. 99-117.
- Кондрашин, 2020 – Кондрашин В.В. Крестьянское движение в России в годы Первой русской революции // *Северо-Запад в аграрной истории России*. 2020. № 26. С. 195-212.
- Мицкевич, 1940 – Мицкевич С.И. Революционная Москва. М., 1940.
- Панкратов, Поляков, 1965 – Панкратов Н.Р., Поляков И.М. Военно-боевая работа большевиков 1903–1917 гг. М., 1965.
- Панкратова, 1951 – Панкратова А.М. Первая русская революция. 2-е изд. М., 1951.
- Панченко, 2007 – Панченко А.М. Г.А. Мин: от библиотекаря до командира лейб-гвардии Семеновского полка // *Библиосфера*. 2007. № 2. С. 57-64.
- Прохорова, 2013 – Прохорова Е.С. Эсеры в период Первой русской революции: борьба за влияние на массы // *Вестник Московского университета. Серия 8 «История»*. 2013. № 4. С. 25-34.

Скворцов, 2009 – Скворцов С.С. Профсоюзы как институт социальной интеграции рабочего класса (на материалах становления профсоюзного движения в России) // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1 «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология»*. 2009. № 2. С. 61-69.

Соколова, 2022 – Соколова А.Д. Новому человеку – новая смерть? Похоронная культура раннего СССР. М., 2022.

Степанов, 2020 – Степанов В.Л. Правительственные меры по возрождению бакинских нефтепромыслов в 1905–1907 гг. // *Российская история*. 2020. № 5. С. 92-107.

Таратута, 1925 – Таратута В.К. 1905 год и Московское восстание. М., 1925.

Чебарин, 1953 – Чебарин А.С. Москва в революции 1905–1907 гг. М., 1953.

Черномордик, 1926 – Черномордик С.И. Московское вооруженное восстание в декабре 1905 года. М.-Л., 1926.

References

Almazov, 2019a – Almazov, M.G. (2019). Sud'ba vozzvaniy general-gubernatora F.V. Dubasova k moskovskomu naseleniyu v period Dekabr'skogo vosstaniya 1905 g. [The fate of the appeals of the Governor-General F.V. Dubasov to the Moscow population during the December uprising of 1905]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4: 9-17. [in Russian]

Almazov, 2019b – Almazov, M.G. (2019). «S segodnyashnego dnya ezhdnevnye sovery u menya»: k voprosu o roli voenno-politseiskikh soveshchaniy v period Dekabr'skogo vooruzhennogo vosstaniya 1905 g. [“From today, I have daily advice”: on the role of military-police meetings during the December armed uprising of 1905]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. 1: 75-84. [in Russian]

Berman, 1913 – Berman, Ya. (1913). Vliyanie sotsial'no-pravovogo i ekonomicheskogo faktora na gosudarstvennyuyu prestupnost' [Influence of the socio-legal and economic factor on state crime]. *Pravo*. 33: 1912-1914. [in Russian]

Brachev, 2002 – Brachev, V.S. (2002). Mastera politicheskogo syska dorevolyutsionnoi Rossii [Masters of political investigation of pre-revolutionary Russia]. SPb. [in Russian]

Chebarin, 1953 – Chebarin, A.S. (1953). Moskva v revolyutsii 1905–1907 gg. [Moscow in the revolution of 1905–1907]. М. [in Russian]

Chernomordik, 1926 – Chernomordik, S.I. (1926). Moskovskoe vooruzhennoe vosstanie v dekabre 1905 goda [Moscow armed uprising in December 1905]. М.; Л. [in Russian]

Dekabr'skoe vooruzhennoe vosstanie 1905 g. – Dekabr'skoe vooruzhennoe vosstanie 1905 g. glazami sotrudnikov moskovskoi politsii. Publikatsiya I.V. Govorova [The December armed uprising of 1905 through the eyes of the Moscow police. Publication by I.V. Govorova]. *Noveishaya istoriya Rossii*. 2012. 2: 182-190. [in Russian]

Eroshkin, 1952 – Eroshkin, N.P. (1952) Administrativno-politseiskii apparat [Administrative and police apparatus]. *Istoriya Moskvy*. V.5. Period imperializma i burzhuazno-demokraticheskikh revolyutsii. М. Pp. 663-675. [in Russian]

Galkin, 1996 – Galkin, V.V. (1996). Tsarskaya tainaya politsiya v bor'be s revolyutsionnym dvizheniem v Rossii (1880–1910 gg.) [Tsarist secret police in the fight against the revolutionary movement in Russia (1880–1910)]. М. [in Russian]

GARF – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation].

Gerasimov, 2004 – Gerasimov, A.V. (2004). Na lezviy s terroristami. «Okhranka»: Vospominaniya rukovoditelei okhrannykh otdelenii [On the edge with terrorists]. Т. 2. М.: 141-345. [in Russian]

Gredeskul, 1912 – Gredeskul, N.A. (1912). Terror i okhranka [Terror and secret police]. SPb. [in Russian]

Gur'ev, 2014 – Gur'ev, V.I. (2014). Moskovskaya politsiya 1881–1917 gg. [Moscow police 1881–1917]. SPb. [in Russian]

Kan, 2015 – Kan, G.S. (2015) Zinaida Konoplyannikova i ubiystvo generala G.A. Mina [Zinaida Konoplyannikova and the murder of General G.A. Mina]. *Rossiiskaya istoriya*. 5: 99-117. [in Russian]

Kondrashin, 2020 – Kondrashin, V.V. (2020). Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v gody Pervoi russkoi revolyutsii [Peasant movement in Russia during the First Russian Revolution]. *Severo-Zapad v agrarnoi istorii Rossii*. 26: 195-212. [in Russian]

Mitskevich, 1940 – Mitskevich, S.I. (1940). Revolyutsionnaya Moskva [Revolutionary Moscow]. М. [in Russian]

Panchenko, 2007 – Panchenko, A.M. (2007). G.A. Min: ot bibliotekarya do komandira leib-gvardii Semenovskogo polka [Ming: from librarian to commander of the Semyonovsky Life Guards Regiment]. *Bibliosfera*. 2: 57-64. [in Russian]

Pankratov, Polyakov, 1965 – Pankratov, N.R., Polyakov, I.M. (1967). Voенно-boevaya rabotabol'shevikov 1903–1917 gg. [Military combat work of the Bolsheviks 1903–1917]. М. [in Russian]

Pankratova, 1951 – Pankratova, A.M. (1951) Pervaya russkaya revolyutsiya [The first Russian revolution]. 2-e izd. М. [in Russian]

Prokhorova, 2013 – Prokhorova, E.S. (2013). Esery v period Pervoi russkoi revolyutsii: bor'ba za vliyanie na massy [Socialist-Revolutionaries during the First Russian Revolution: the struggle for influence on the masses]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*. 4: 25-34. [in Russian]

Skvortsov, 2009 – Skvortsov, S.S. (2009). Profsoyuzy kak institut sotsial'noi integratsii rabocheho klassa (na materialakh stanovleniya profsoyuznogo dvizheniya v Rossii) [Trade unions as an institution of social integration of the working class (on the materials of the formation of the trade union movement in Russia)]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. 2: 61-69. [in Russian]

Sokolova, 2022 – Sokolova, A.D. (2022). Novomu cheloveku – novaya smert' [A new man – a new death? Funeral culture of the early USSR]? Pokhoronnaya kul'tura rannego SSSR. M. [in Russian]

Stepanov, 2020 – Stepanov, V.L. (2020). Pravitel'stvennye mery po vrozhdheniyu bakinskikh neftepromyslov v 1905–1907 gg. [Government measures to revive the Baku oil fields in 1905–1907]. *Rossiiskaya istoriya*. 5: 92-107. [in Russian]

Taratuta, 1925 – Taratuta, V.K. (1925). 1905 god i Moskovskoe vosstanie [1905 and the Moscow uprising]. M. [in Russian]

Zakharova, 2017 – Zakharova, E.A. (2017). Povsednevnye praktiki provintsial'nykh turistov v Sankt-Peterburge i Moskve na rubezhe XIX-KhKh vekov [Daily practices of provincial tourists in St. Petersburg and Moscow at the turn of the 19th-20th centuries]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 3: 14-23. [in Russian]

Zhukova, 2015 – Zhukova, L.A. (2015). Obshchestvenno-politicheskaya i povsednevnyaya zhizn' moskvichei v 1905 godu (k 110-letiyu Pervoi rossiiskoi revolyutsii) [Socio-political and everyday life of Muscovites in 1905 (to the 110th anniversary of the First Russian Revolution)]. *Vestnik universiteta*. 6: 339-344. [in Russian]

Московское охранное отделение на страже безопасности Российской империи в 1905 году

Сергей Владимирович Медведев^{a, *}, Егор Евгеньевич Кочетков^a, Елена Викторовна Бестаева^b, Ольга Владимировна Панина^b

^a Российский университет транспорта, Москва, Российская Федерация

^b Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе архивных материалов Государственного архива Российской Федерации исследуется деятельность Московского охранного отделения, направленная на предотвращение антиправительственных выступлений. Уделяется внимание реакции москвичей на убийство великого князя Сергея Александровича, бранным высказываниям в адрес императора Николая II. Формирование профсоюзного движения прослеживается на примере антиправительственных объединений булочников и печатников. Авторы статьи приходят к выводу о недостаточной ресурсной базе Московского охранного отделения, препятствующей оперативному подавлению революционных бунтов. Недостаточный уровень финансирования и, как следствие, отсутствие должного материального снабжения и низкий размер оплаты труда демотивировали сотрудников и объективно лишали их возможности оперативно реагировать на серьезные угрозы. Одновременно московское охранное отделение не имело эффективной системы коммуникации и согласования действий с аналогичными территориальными подразделениями Департамента полиции в других губерниях. Ситуацию усугубляла как частая смена руководства, способствовавшая дезорганизации работы охранного отделения, так и наличие у него явно избыточных функций. В условиях роста революционной опасности ресурсы охранного отделения отвлекались от поиска лиц, занятых реальной экстремистской деятельностью, ради привлечения к ответственности обывателей, публично выражавших неуважение или враждебность к власти. При этом аресты за подобные высказывания лишь еще больше раздражали оппозиционно настроенную общественность, способствуя росту симпатии к революционерам в широких слоях населения. Игнорировалось то обстоятельство, что критика власти в условиях повседневного общения играла роль ресурса относительно безопасной канализации социального недовольства. Она выполняла функцию выброса негативных эмоций и избавления от аффективных состояний, которые, необходимо подчеркнуть, облегчали манипуляцию поведением человека со стороны революционных активистов.

Ключевые слова: Московское охранное отделение, полиция, революция 1905–1907 гг., профсоюзное движение, приставы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: speransky1809@yandex.ru (С.В. Медведев), kochetkov.work@gmail.com (Е.Е. Кочетков), elvbستاeva@fa.ru (Е.В. Бестаева), opanina@fa.ru (О.В. Панина)